Молодой коммунар
г. Тула

Юрий Никулин рассказывает

Еще не известно, что лучше: смотреть фильм «Старики-разбойники» или слушать рассказ о его съемках... И еще о том, как в пантомиме «Черный Том», где Ю. Никулин играл бармена, вместо Славы Запашного, который исполнял роль мальчика, впервые выступила Татьяна Никулина, жена артиста...

ГЛАЗАМИ КЛОУНА

В ОКРУГ — знакомая бутафория, столь же незатейливая, сколь и знаменитая: кирпич, пирожки, нож, галоши. Мы находимся в гримоуборной на первом этаже цирка. Комики Михаил Шуйдин и Юрий Никулин беседуют у микрофона, идет запись на радио. Ниточка беседы ловко перекидывается партнеру, и клубок катится путем единственным и неповторимым. Слушать их за кулисами так же интересно и весело, как и в зрительном зале. Подтвердить это, наверное, могут все встречавшиеся с комиками корреспонденты мира, перед которыми у нас сегодня есть преимущество. В настоящее время Юрий Никулин и Михаил Шуйдин чуть веселее, чуть грустнее, чуть серьезнее, чем всегда,— все на полтона выше. Это и понятно. Они приехали в Тулу (не в Англию и не в Африку!) в знаменательную пору юбилеев: только минувшего — 50-летия Юрия Никулина — и предстоящего — юбилея их совместной работы на манеже. Как шутит Михаил Шуйдин: «Скоро у нас серебряная свадьба».

С таких высот времени по-новому просматривается пройденное, видится словно впервые. Оказывается, в их судьбах много общего: оба были на фронте. Юрий Никулин провел семь лет в армии, война застала его в Финляндии, участвовал в обороне Ленинграда. (Свирепствовал мороз, стволы орудий покрывал иней. Но в бою становилось жарко. И в короткие минуты передышек Никулин веселил товарищей-артиллеристов).

Михаил Шуйдин был слесарем-лекальщиком, воевал под Сталинградом, затем в Прибалтике, горел в танке...

Коротко говорят они о событиях, о которых можно написать книгу. И, возможно, когда-нибудь они напишут. Но и сейчас, за лаконизмом одного: «горел в танке», и другого: «оборонял Ленинград» видится многое. Всю незаменимость этой школы жизненного опыта выразил Юрий Никулин, сказав без тени улыбки:

— Путь от солдата до старшего сержанта — это немало и нелегко. И когда мне говорят, что, вот, дескать, не повезло: от 17 до 24 лет провел ты в армии, — я не могу с этим согласиться. Армия меня воспитала. Защищая Родину, я вырос, сформировался как личность. Армии я обязан многим.

Острота наблюдения, способность «густо черпать жизнь», точное знание психологии человека, смекалка, умение пойти на риск — вся эта снасть настоящих художников обреталась в университетах жизни. Все их искусство — в какой-то мере итог большой жизненной школы.

...Уходит с корреспондентом радио Михаил Шуйдин. Уходит — и остается. В рассказе его партнера по манежу всегда звучит «Мы».

...Комната наполнена голосом, оттенки, интонации которого хорошо знакомы всем. Юрий Никулин — добрая улыбка, веселые глаза, живая речь, выразительный жест, присущий ему одному. Он говорит о кино и цирке, о Туле и туляках, о сыне и о работе шофера такси, о фильмах плохих и хороших, об импровизации и о главном в искусстве клоунады...

— В клоунаде как и в жизни, все течет, все меняется. Я 25 лет в цирке, но считаю, что как только начал учиться, с той поры я в цирке.

И уже на моих глазах роль клоуна в цирковой программе претерпела большие изменения. Если раньше в программе были основным аттракционом — дрессировщики, иллюзионисты, то теперь в советском цирке, в отличие от западного, — примат клоунады. Именно она цементирует всю программу, связывает все номера в единый спектакль. Широко известны главные аттракционы Олега Попова, Карандаша, Леонида Енгибарова. Вот и сейчас наш приезд тоже привлек внимание. И внешние, и внутренние приемы подачи реприз — все это изменилось. От старой клоунады осталось «чуть»: ботинки, носы. И если в западном цирковом искусстве замерзшие старые традиционные маски, как, впрочем, и репертуар, то у нас главный предмет осмеяния — не только человеческая глупость. Клоунада может быть грустной и нежной или полной лиризма. Все чаще клоуны пользуются сатирой. Но всегда остается главным — показывать внутреннюю сущность.

— ЕСТЬ ЛИ У ВАС ЛЮБИМЫЕ РЕПРИЗЫ?

— Да, есть такие. Есть репризы, которые мы делаем с любовью. Вот, например, «Розы и шины». Вообще говоря, назначение клоуна — смешить. И в любой репризе он находит «изюминку». Иногда приходится слышать: безыдейная реприза. Я с этим не согласен. Безыдейных явлений в жизни не бывает, а реприза — это всегда сама жизнь.

Создаются репризы трудно, иногда годами. «Обкатывая» новые, как правило, всегда приглашаем режиссера. Но самый главный наш режиссер — публика. Она иногда смеется там, где мы и не предполагали такую реакцию.

— А БЫВАЕТ, КОГДА ВЫ СМЕЕТЕСЬ САМИ?

— И такое было. Мы с Мишей, начинающие клоуны, тогда в Ленинграде выступали. Выдали мы — тишина мертвая. Мы ушли, как говорится, «под шорох собственных шагов». И за занавесом «легли» от смеха — смеялись мы потому, что никто не смеялся, хотя, казалось, все должно было быть наоборот.

— ПРИХОДИТСЯ ЛИ ВАМ ИМПРОВИЗИРОВАТЬ?

— Да, но здесь целиком зависишь от реакции зала. Чувствуем, что это смешно, значит развиваем дальше, импровизируя. Так было, когда мой партнер захромал; я стукнул его по коленке. Он начал танцевать. Представляете танцующего Шуйдина? И здесь я говорю фразу, которой нет в тексте:

— Во, видали?.. Майя Плисецкая.

И сразу — взрыв смеха.

Но бывает импровизация разная. Вот сейчас мне вспоминается случай, единственный в своем роде. Выступали мы тогда в Калининском цирке. Летом это было. Шло дневное представление, в зале на 1500 мест — в основном дети. И вдруг за кулисами пролили бензин. Кто-то, видно, неосторожно, чиркнул спичкой, вспыхнула вся стена. Выскакиваем на манеж. Я срываю огнетушитель, и мы начинаем... танцевать. Для нас это была страшная импровизация. А в зале, набитом до отказа, — от смеха со стульев сползают. Мы танцуем, я поливаю из огнетушителя то стену, то Мишу, то инспектора. Зрители так и не заподозрили опасности, настолько сильна уверенность, что у клоунов может случиться все, даже пожар настоящий. А ведь стоило произнести одно слово: «Пожар!» — и страшно представить, что бы произошло.

Это была импровизация не от хорошей жизни, тем более, что назавтра наши костюмы рассыпались от кислоты: поливал-то я щедро.

— ВАМ ЧАСТО ЗАДАЮТ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ВОПРОС: «ЧТО ВЫ БОЛЬШЕ ЛЮБИТЕ: ЦИРК ИЛИ КИНО?».

— Да. Но это все равно, что спрашивать у ребенка: кто лучше — мама или папа?..

— Артисты разных жанров за последнее время нередко сравнивают свою «родную» профессию со съемками в кино. И, надо сказать, не в пользу последнего. Так балерина Майя Плисецкая сказала, что на съемках она отдыхала, Эдита Пьеха находит, что певице труднее, чем актрисе кино. Она должна и петь, и играть.

— РАБОТАЯ СТОЛЬ ДОЛГО И ПЛОДОТВОРНО НА АРЕНЕ, СЫГРАВШИСЬ БОЛЕЕ ЧЕМ В 30 ФИЛЬМАХ, ВЫ, КАК СЧИТАЕТЕ?

— Цирк развивает собранность, умение владеть телом. Выразительно должно быть не только лицо, но и спина, потому что зрители — вокруг.

Кино требует знания психологических тонкостей. Но, пожалуй, для меня в кино работать труднее. Я говорю не только о физической нагрузке, а она здесь немалая. Необходимо очень сильное психологическое напряжение: сегодня я думаю, мучаюсь — за мной гонятся, завтра — мне надо гнаться. И так далее. Особенно мне было трудно раньше, когда приходилось совмещать цирк и кино: утром — съемки, вечером — манеж.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫ ОТВЕТЫ КОМИКОВ НА ВОПРОС: «ВАШИ ПРОФЕССИИ ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИЕЙ?»

Отец и мать Юрия Никулина — провинциальные актеры. Отец был драматургом, режиссером, актером, автором скетчей, реприз для эстрады и цирка. Отправляясь на репетиции, брал с собой сына, который с детства мечтал стать артистом. Сын же Юрия — Максим, который учится в 9-м классе, еще пять лет назад мечтал стать шофером такси, все было определено, но сейчас — пока неясно. Зато жена Юрия Никулина — Татьяна окончила студию циркового искусства, работает вместе с мужем.

— ЗАКОНЧЕНЫ СЪЕМКИ ФИЛЬМА РЕЖИССЕРА ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА «СТАРИКИ-РАЗБОЙНИКИ». ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О СВОЕЙ РАБОТЕ В НЕМ?

— Впервые фильм показали в день празднования моего юбилея. Я играю в этой картине роль пожилого следователя Мячикова. А моего друга играет Евгений Евстигнеев. Не буду рассказывать подробно — пусть о работе судит зритель.

— ПОСЛЕ «БРИЛЛИАНТОВОЙ РУКИ» ВЫ НЕ СНИМАЛИСЬ ТРИ ГОДА. ПОЧЕМУ?

— Потому что боюсь плохих фильмов. По этому поводу очень хорошо сказала Фаина Раневская: «Сняться в плохой картине — это все равно, что плюнуть в вечность». В самом деле, плохой спектакль в театре можно закрыть, а что делать с фильмом, который расходится по всей стране таким тиражом?

— В КАКОМ ФИЛЬМЕ ВЫ СНИМАЕТЕСЬ СЕЙЧАС?

— У режиссера Митты, в фильме «Точка, точка, запятая...».

— ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ, АКТРИСОЙ ТАТЬЯНОЙ НИКУЛИНОЙ?

— Да. И с сыном. Произошло все случайно. Максим вместе с классом был приглашен на студию «Мосфильм». Там режиссер спросил сына, имеет ли он какое отношение к артисту Юрию Никулину? Услышав утвердительный ответ, охнул только: «Ну и семейственность развели»... А потом попросили играть в этом фильме и отца с матерью!

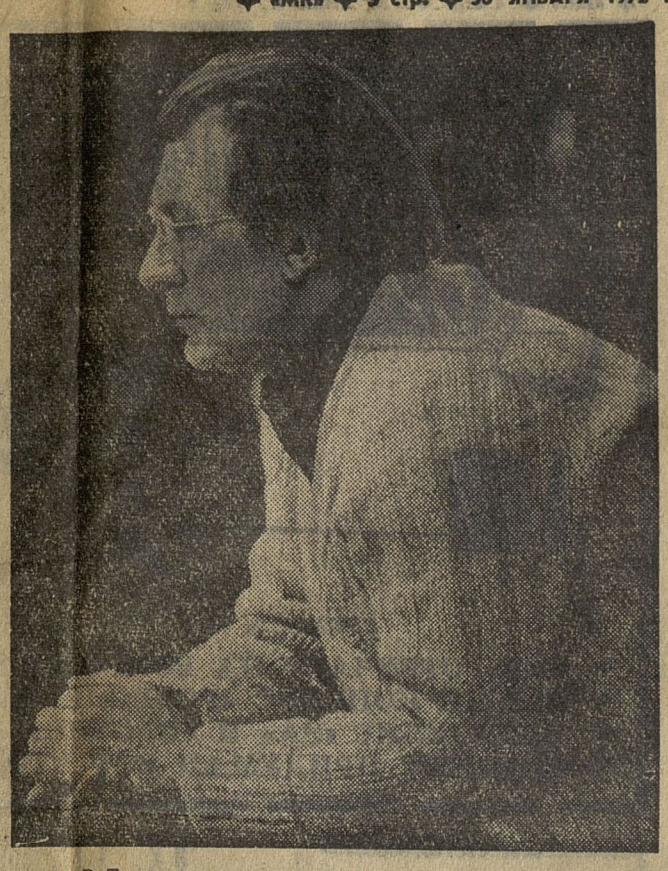
Юрий Никулин — не только артист цирка и кино, он автор более 50 сценок и реприз для манежа, в них ярко проявляются его остроумие, наблюдательность. Цирк — его стихия, поэтому столь понятны слова артиста: «Творчество — это вроде перша, лезешь по нему выше и выше. Но влезть — полдела, удержаться на высоте под взглядами зрителей, которые все замечают и ничего не прощают, — вот задача».

— ВАШИ ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ТУЛЕ И ТУЛЯКАХ?

— В Тулу мы стремились давно, особенно Миша. Здесь его родина, в деревне Казачье Щекинского района. Тяга к родным местам сказывается. Вот так же я мечтаю выступать в Смоленске.

Мы довольны первым теплым приемом. Зрители смеялись, а для нас это — высшая награда. Постараемся продержаться в Туле как можно больше времени, хотя это трудно: по теории распределения смеха на душу населения другие города могут обидеться. Но мы сделаем все возможное, чтобы программу нашу посмотрели все желающие.

Л. МОРОЗОВА.
Фото И. Мельникова, Ю. Хрущева.



— В Туле я люблю бывать, потому что здесь моя родина. В деревню Иконки Щекинского района, к родственникам, всегда приезжаю с таким чувством, будто я возвращаюсь в детство, — говорит Михаил Шуйдин.

...Следует рассказ о том, как Михаил Шуйдин снимался в «фитиле» и участвовал в съемках трех цирковых программ; и о том, как на гастролях в Англии получили они письмо с неожиданной новостью: старший сын Шуйдина — Вячеслав поступил в цирковое училище.

— ...Приступаешь к роли — и всякий раз кажется, что именно эта — самая любимая... но можно назвать и такие, любовь к которым не прошла. Это в основном роли, сыгранные в серии фильмов режиссера Гайдая. И особое отношение — к Кузьме Иорданову из картины «Когда деревья были большими».

Сценку «Свидание» репетируют на Тульском манеже Юрий и Татьяна Никулины, Михаил Шуйдин.